

«ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» В РОССИИ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ XVIII ВЕКА

Л. В. Ляхович
(г. Минск, БГУКИИ)

В России политика «просвещенного абсолютизма» в наибольшей мере проявилась при Екатерине II (1762-1796). Императрица с молодых лет изучала идеи и труды просветителей, состояла с ними в переписке, оказывала покровительство и применяла просветительскую риторику, – как по внутреннему убеждению, так и для создания выигрышного имиджа России и самой себя в Европе, где идейным лидером была Франция. В равной важен и образ России и ее императрицы, создаваемый французскими авторами той эпохи. Это был вопрос престижа для российской правящей элиты, тем более что отношения Петербурга и Версаля на протяжении XVIII века были весьма натянутыми.

В 1768 г. во Франции вышло «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году» французского аббата и члена Королевской академии наук Ж. Шаппа д'Отероша (1728-1769). Автор направлялся в Тобольск для астрономических наблюдений, но не только. Его отчет должен был показать Россию во Франции и стал достаточно неслышным для россиян.

Россия предстает страной, небезопасной для путешественника, с забитым и бедным населением [1, с. 76, 80-81], дикими патриархальными обычаями, грубыми и порочными нравами [1, с. 143-148, 185-186]. Здесь царят рабство, деспотизм, страх и бесправие [1, с. 118-119, 158-159]. Аббат фактически описывал слезаветинское правление, но уделил внимание Екатерине II, позитивно ее оценив. Он отметил, что Екатерина, «будучи властительницей широких взглядов и дарований, понимает всю порочность сего государственного уклада, и помыслы ее направлены на проведение реформ... Блажен народ, имеющий счастье быть управляемым подобной государыней!.. [1, с. 120]. Несмотря на это, Екатерина увидела в «Путешествии...» клевету на Россию, ее народ и правительство и создала «Ангидот» с гневным опровержением утверждений аббата [1, с. 226-424].

Совсем иную ситуацию можно наблюдать в отношении императрицы и просветителями, особенно если последние обязаны ей своим престижем и (или) материальным благополучием. В этом смысле ярчайшие примеры – Вольтер (1694-1778) и Д. Дидро (1713-1784).

Переписка Вольтера и Екатерины II охватывает очень широкий круг проблем, при этом оба корреспондента соревнуются во взаимных любезностях, и Вольтер лидирует в этом состязании. Можно, например, привести такие его пассажи: «Ваше императорское величество... Вы совсем не северное сияние; вы доподлинно самое блестящее светило Севера, и никогда не было там другого, столь благотворного, как вы...» [2, с. 13], «Достанет ли у меня еще довольно голоса, чтобы воспеть все ваши победы?» [2, с. 42]. Екатеринбургский «Наказ» расценивается как самый прекрасный памятник века Просвещения [2, с. 128]. Вольтер восхищается всей деятельностью Екатерины – ее помощью просветителям, меценатством, российским двором и армией [2, с. 7, 54, 165-166, 171].

Дидро и Екатерину II связывали взаимовыгодные отношения. Императрица приобрела за большие деньги библиотеку Дидро, оставила книги в его распоряжении и назначила своим библиотекарем, что имело широкий резонанс [1, с. 34-35]. С октября 1773 по февраль 1774 г. Дидро был гостем императрицы, вел с нею беседы, выступая ее почитателем и философом, подающим советы в деле управления, хотя Екатерина в силу ряда причин скептически к ним относилась [3].

В беседах с Екатериной II Дидро отмечает то, на что обратил внимание Шапп д'Отерош – недовoreние, настороженность, страх русских как вероятное последствие ряда переворотов и деспотизма [4, с. 50-51]. Вообще же Дидро восхищен – он пишет: «Всю жизнь буду радоваться тому, что собрался приехать в Петербург. Всю жизнь буду помнить те минуты, в которые ваше величество... удостоивали снисходить к моему ничтожеству... Кто заменит Екатерину Вторую?.. [4, с. 128, 132].

Вместе с тем раздвинулись и критические интонации в оценке российской императрицы. Речь идет об «Интимном дневнике» М. Д. Корберона (1748-1810), секретаря французского посольства в России и датированном 1775-1777 гг. Корберон отмечает резкую противоположность «поробощенных мужиков» и «просвещенной части населения» [5, с. 129]. О Екатерине Корберон говорит так: «...Екатерина бесподобная лицедейка! Она святотла, нежная, гордая, величественная, любезная, но в душе она – верна себе и преследует исключительно личные интересы, не пренебрегая никакими средствами для их достижения». Отмечается подверженность императрицы страстям и ее зависимость от фаворитов [5, с. 129-135].

России и ее цариче уделил внимание в своих мемуарах французский посол в Петербурге в 1785-1789 гг. Л. Ф. Сетюр (1753-1830), воспоминания которого выделяются разносторонностью и глубиной. Сетюр, как и Корберон, отмечает социальные контрасты и «потепчаток варварских нравов» в России, значительно европеизированной Петром I [6, с. 137, 139, 153]. В целом, положительно оценивая окружение императрицы, Сетюр выступает апологетом Екатерины, восхищаясь в ней всем –

внешностью, умом, душевными и деловыми качествами, блеском двора и масштабом ее деятельности [6, с.140-143, 145-149].

Похожие суждения высказывает и Р. Дама (1765-1823), служивший в 1787-1789 гг. офицером в русской армии, описывая великолепие и вкус российского двора, ни в чем не уступавшего французскому. Отмечая обширный талант и очень решительный и политиче характер Екатерины, Дама намекает на ее причастность, возможно, невольную, к смерти Петра III [7, с.253-254]. Указывая на фаворитов, Дама утверждает, что никто из них не подчинил Екатерину своей воле [7, с.257].

Уже при жизни Екатерины II раздавались критические замечания в ее адрес, и в первую очередь это касается «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» К.К. Рюльера (1735-1791), секретаря при французском посланнике в России. Екатерина оценивается как «чужеземка», наделенная тем не менее «великим характером», в отличие от своего мужа, – фигуры одновременно нелестной и трагической [8, с.48-56]. Рюльер отмечает, как Екатерина приобретала авторитет и союзников, откровенно описывает роль в перевороте Г. Орлова и его братьев [8, с.65-79]. Кроме того, говорится об отношениях Екатерины со С. Понятовским и указывается на С. Салтыкова как на отца Павла I [8, с.51-52, 54-57].

В 1797 г., уже после смерти царицы, в Париже вышла трехтомная «История Екатерины II, императрицы России» французского историка Ж. Кастера, ставшая первой развернутой политической биографией Екатерины и послужившая основой для будущих подобных работ. Автор оценивает Россию, как страну, где феодализм существует в полную силу [9, т. III, р. 363]. Здесь жизнь крепостных принадлежит государству, их личность и имущество – господину, при этом законодательство – запутанно и противоречно [9, т. III, р. 367 – 373]. Огромное внимание уделяет Кастера перевороту 1762 г., отмечая бездарность Петра III и его окружения [9, т. I, р.233-235], энергичность великой княгини [9, т. I, р. 248-249], а также тот факт, что никто не предупредил царя об угрожающей ему опасности [9, т. I, р. 289]. Обращается внимание на чрезвычайную услужливость Екатерины, ее желание завоевать всенародную любовь [9, т. I, р. 318-322] и престиж у просветителей [9, т. II, р. 149-151], Кастера указывает на энергию и разносторонность деятельности царицы, смелость и уверенность в собственных талантах [9, т. I, р. 376-377], амбиции Екатерины превратить фаворитизм в четкий механизм в системе ее абсолютной власти [9, т.II, р. 376-377]. Работа Уложенной комиссии оценивается как неудачный опыт в деспотической стране с консервативным дворянством [9, т. II, р. 33-36].

В наибольшей же степени критика императрицы прозвучала в «Секретных записках о России времен царствования Екатерины II и Павла I» Ш.Массона (1762-1807), бывшего на службе при русском дворе в 80 -90-х гг. С одной стороны, Массон признает, что «Екатерина создала славу русским», ее характер и ум заслуживают похвалы [10, с. 46]. Однако подобные достоинства теряются рядом узурпиршей власти и деспотизмом императрицы, невиданным доселе по размаху и упорядоченности фаворитизмом, ничтожностью сановников, – «государственной сволочи» конца ее правления, внутренним расстройством и неадекватностью грандиозных проектов [10, с. 44 – 47, 61-62]. Массон утверждает, что просвещенность и переписка с философами служили лишь для возвеличивания императрицы, такая же цель была у «Наказа» и работы Уложенной комиссии. Французская революция показала враждебность Екатерины реальным проявлениям идей Просвещения [10, с. 48-51].

Таким образом, необходимо отметить разнообразие трактовок французских авторов – от апологии до уничтожающей критики, при этом общая оценка России и ее императрицы достаточно сдержанная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каррер д'Анокос, Э Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Элен Каррер д'Анокос; пер. с фр. О. Павловской (с. 5-224) – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 463 С.
2. Волтер. Волтер и Екатерина II / Волтер и Екатерина II – СПб. Издание В.В. Чуйко, 1882. – 242с
3. Каррер д'Анокос, Э. Екатерина II. Золотой век в истории России / Элен Каррер д'Анокос; пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2006. – С.166-169.
4. Дилро, Дени. Дилро и Екатерина II, ихх беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дилро, съ пояснительным очерком и примечаниями Мориса Турне въ переводе К.К. Толстого / Дилро и Екатерина II - СПб.: Ред. «Нового журнала иностранной литературы», 1902 – 155 с.
5. Корберон, М. Д. Интимный дневник/М.Д. Корберон //Екатерина II и ее окружение / Сост. вступ. ст. и примеч. А.И.Юхта – М.: Пресса, 1996. С.126-136.
6. Сегор, Л.Ф. Пять лет при дворе Екатерины II / Л.Ф. Сегор //Екатерина II и ее окружение / Сост. вступ. ст. и примеч. А.И.Юхта – М.: Пресса, 1996. С.137-251.
7. Дама, Р. Мемуары /Р. Дама //Екатерина II и ее окружение / Сост. вступ. ст. и примеч. А.И.Юхта – М.: Пресса, 1996. – С. 252-258.
8. Рюльер, К.К. История и анекдоты революции в России в 1762г./К.К. Рюльер // Екатерина II и ее окружение / Сост. вступ. ст. и примеч. А.И.Юхта. – М.: Пресса, 1996. – С. 48-104.
9. Castéra, J. Histoire de Catherine II, impératrice de Russie / J Castéra: in 3 tomes. - Paris, F. Buisson, an VIII.
10. Массон, Ш. Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения французского жителя при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора / Ш. Массон, вступ. статья Е.Э. Ляминой, А.М. Пескова. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с.